

ТВОРЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

ВСЕГДА В ПОИСКАХ

На стене множество фотографий. Мужественный, но грустный взгляд шекспировского Отелло, строг и серьезен капитан Берснев из лавровского «Разлома». Рядом с потерявшим душевный покой и былую самоуверенность генералом Родзянко — улыбающийся добрейший дядя Федя из «Персонального дела». Дальше — хитрый, умный заводчик Гвоздильин, сбегавший от нэпа. А вот польский рабочий Юзеф Каминский из пьесы Ежи Лютковского. И еще много людей с различными судьбами и характерами, представителей разных эпох и народов.

Они непохожи друг на друга и все-таки в них есть что-то общее. Это — едва уловимое сходство с хозяином дома. Сам он сейчас сидит за письменным столом, зава-

ленным грудой фотографий, программ, газетных вырезок, и по нашей просьбе рассказывает о своем творческом пути...

С именем заслуженного артиста РСФСР Алексея Алексеевича Павлова у иркутян-театралов связано множество приятных минут, полных высокого эстетического наслаждения и волнений. За свою десятилетнюю работу на иркутской сцене артист сыграл около сорока ролей и ни одна из них не оставила зрителя равнодушным.

Выход Павлова на сцену нельзя не заметить. С ним на сцену всегда приходит что-то яркое, значительное, не допускающее серости, обыденщины.

Роль иркутского генерал-губернатора в пьесе П. Малаяревского «Канун грозы» — небольшой эпизод. Но зрители надолго запомнили его — так сочно и выразительно показал Павлов безграничную самоуверенность губернатора, сменяющуюся под напором рабочих полной растерянностью и бесоильным гневом. Запомнились затянутые в перчатки руки, готовые сломать цегольский стек.

Итак, яркая театральность... Предельная внешняя выразительность... Да. Это присуще Павлову-артисту. Но только ли это?

Вспомним одну из самых значительных работ артиста — образ инженера Цыганова в горьковских «Варварах». Это фейерверк тончайших штрихов, ярких, выразительных. Каждый из них представлял интерес с точки зрения актерского мастерства и изобретательности. Но главное было в другом. Все частности, найденные артистом, сливались в одно целое, нанизывались на стержень идейной значимости образа. Павлов демонстрировал не только совершенное владение актерской техникой. Он представлял перед нами актером-мыслителем, актером-философом, у которого есть что сказать зрителю, чему научить его. Вместе с тем артист всегда эмоционально заразителен. Зритель познает на его спектаклях не сухо, рассуждая, а плача, смеясь и волнуясь.

Для Павлова характерна неутомимость в поисках нового, свежего решения образа. Это особенно ясно видно на воплощении им образов классического репертуара. Трудно бывает найти что-то свое именно в классической роли, обросшей за долгие годы сценической жизни традициями, основанными на опыте крупнейших мастеров сцены, а порой — и просто штампом. Павлову часто удается преодолеть это.

Необычным и в то же время очень гоголевским был у него городничий в «Ревизоре». Внешне тем-то напоминающий крысу, виденную им во сне, городничий Павлова, все вынюхивающий, всех высслеживающий, был страшным тишиником. Артист создал образ большой обличительной силы, используя оригинальные штрихи, неожиданные детали, отойдя от традиционного городничьего во всем, вплоть до грима. Творчески препомилив опыт множества исполнителей, он нашел свой путь.

Так же оригинально сыграл князь Абрезков в «Живом труп» Л. Толстого. Артист усмотрел и обострил в образе Абрезкова сатирические, обличительные моменты. Быть может, в какой-то степени вопреки авторскому материалу артист сделал Абрезкова олицетворением ханжеского, лицемерного мира, из которого бежит Федя Протасов.

Вокруг работы Павлова в спектакле «Живой труп» было много споров. И именно эта спорность говорит о творческих исканиях артиста, об оригинальности его художественного мышления.

Как лучи солнца в увеличительном стекле, сконцентрировались лучшие черты творческого об-

лика артиста в роли Вилли Ломе-на в спектакле «Смерть коммивояжера»; сконцентрировались и дали яркую вспышку, взволновавшую умы и сердца зрителей.

Актер играет эту роль с большим эмоциональным накалом. Он вскрыл сложную философскую подоплеку судьбы героя; вышел победителем из единоборства с необычайно трудным драматургическим материалом. Его Вилли Ломе трогает, будоражит, толкает на большие обобщения.

Нет возможности не только рассказать о всех работах Павлова, но и просто перечислить сыгранные им роли — их более трехсот. И это не сплошные удачи. Порой не удавалось осуществить задуманное, а иногда материал роли противоречил творческой индивидуальности артиста. Есть среди ролей, сыгранных Павловым, ничем не примечательные, есть и просто неудачные. И это вполне понятно — в творчестве нет ровной дороги. Но всегда, выходя на сцену, Павлов стремится что-то сказать зрителю, передать ему свое волнение; всегда он в творческих поисках, в желании найти новое, интересное...

...Перебирая потускневшие от времени фотографии, программы и вырезки, Алексей Алексеевич вдруг замолчал, забыв о собеседнике. О чем он думает в эти минуты? Что вспоминалось ему из богатой впечатлениями, полной творческих исканий жизни?

Быть может, Московское коммерческое училище, куда он поступил по настоянию родителей? А, может быть, работа в бухгалтерии банка, когда, сидя над столбиками цифр, Алексей Алексеевич с трудом дожидался конца рабочего дня и, счастливый, спешил на занятия в театральную школу или на лекцию академика Бехтерева, куда приводило его пылкое стремление познать природу актерского творчества? А потом война 14-го года. Германский плен.

Уже с массой жизненных впечатлений пришел Алексей Алексеевич в 1919 году в профессиональный театр. С той поры жизнь его нераздельно принадлежит любимому искусству.

Харьков был тогда очень театральным городом. На его сцене творили Синельников, Глаголин, Блюменталь-Тамарина, Виктор Петица, Полевицкая. С восторгом и необыкновенной творческой жадностью впитывал в себя молодой актер Павлов опыт работающих рядом с ним зрелых мастеров сцены. Но молодость и активность творческой натуры не давали покоя. Хотелось найти что-то новое, свое, собственные пути в искусстве. Да и время не давало жить спокойно. Вокруг все бурлило. Из-под обломков старого мира вставал новый. Доносились вести о дерзких экспериментах Мейерхольда и других крупных мастеров театра.

И вот, переехав в Москву, Павлов вместе с артисткой Верой Барановской организует из театральной молодежи студию, из которой создан молодой экспериментальный театр. Играя на его сцене, ставя спектакли, Алексей Алексеевич ищет, пробует, увлекается созданием синтетического зрелища, где бы движение, звук, свет, цвет, — все слилось в единый художественный образ.

И не беда, что паек был в те годы скудным и сцену частенько приходилось освещать колеблющимся пламенем свечных огарков. Любовь к искусству, увлеченность своим делом помогали преодолевать трудности.

С тех пор прошли десятки лет. Давно остались позади эксперименты в молодом театре. От многого, чем тогда увлекалась молодость, Павлов отказался. Он стал творчески зрелым мастером, подлинным художником театра. Но навсегда осталась от тех бурных лет, да еще, вероятно, от неугомонности натуры Алексея Алексеевича, его горячность, увлеченность делом.

Искусство не терпит холодности, равнодушия. Только учашенно быющее актерское сердце способно взволновать зрителя. Вот такое беспокойное сердце у артиста Алексея Алексеевича Павлова. Жизнь для него значит верить, отдавать все силы любимому искусству. И, пожалуй, это основная черта его творческой индивидуальности.

Его интересует все: новый фильм, только что вышедший роман, события международной жизни. Свежо и молодо воспринимает он окружающую жизнь. Она для него — источник тем и мыслей. В репертуаре Павлова можно найти роли почти из всех сколько-нибудь значительных произведений советской драматургии, начиная от Кошкина в «Любови Яровой», кончая дядей Федей в «Персональном деле».

Алексей Алексеевич сумел пронести через многие годы, роли и спектакли непосредственность и подлинное творческое волнение. И он несет это волнение всюду: на сцену в очередном спектакле, в стихи Пушкина или рассказы Пришвина, читаемые по радио, с ним появляется на экране телевизора.

Некогда Павлов играл в спектакле «Порт-Артур» роль генерала Стесселя. Искренне поздравляя его в день премьеры, постановщик спектакля заслуженный деятель искусств М. А. Куликовский в шуточной надписи, сделанной на программке, назвал его «генерал-артистом».

Генерал-артист... Нам кажется, эту несуществующую в официальной тарификационной сетке актерскую категорию Алексей Алексеевич Павлов вправе носить. Он поистине генерал в искусстве — художник с большим сценическим опытом и культурой, актер-мастер, актер-мыслитель.

Н. ФЛОРОВА.